

Александр Фукс

Голгофа на четверых

Невеселые мысли о спектакле
Небольшого драматического театра
«Братья Карамазовы»

В середине октября в Петрозаводске прошел второй фестиваль «Лифт. Карелия. Молодой театр». В его рамках было показано 20 спектаклей из разных мест: от Якутии до Норвегии, от Архангельска до Алма-Аты. Завершал программу внеконкурсный спектакль Санкт-Петербургского Небольшого драматического театра «Братья Карамазовы».

Небольшой драматический театр режиссера Льва Эренбурга – уникальное для русской сцены явление. Театр, который довел этюдный метод построения спектакля до виртуозности. Театр, в котором драматургический текст разбит на эпизоды, и каждый из них превращен в маленький, законченный спектакль. Затем отбрасывают лишнее, соединяют оставшееся и практически всегда склеивают цельное и совершенно внятное высказывание. Причем текст в нем не является главным. Огромное значение в работе НДТ уделяется пантомиме, пластике, игре с предметами и, естественно, музыке. Действия, иллюстрирующие текст, как правило, важнее слов. Зачастую та или иная сцена может вовсе обходиться без них.

Вспомним хотя бы сцену из «Трех сестер», когда влюбленный Соленый дарит моющей пол Ирине цветы, а та, не зная куда приткнуть подарок неприятного ей человека, ставит букет в помойное ведро. После чего Соленый снимает гимнастерку, мочит ее в том же ведре, как тряпку, и принимается помогать Ирине по хозяйству. Или возьмем сцену из «Иванова», в которой герой потрошит рыбу, с ненавистью слушая мучительно надоевшую ему Сару. Вдруг выпотрошенная, казалось бы, дохлая рыба начинает трепыхаться, и Иванов добивает ее выстрелом из пистолета. Вспомним танец безногого и безрукого инвалидов в «Оркестре» Ж. Ануя и то, как по-детски заворачивается в ковер вернувшаяся в родной дом Раневская в «Вишневом саде». Спектакли Эренбурга сплошь состоят из полных фантазии, боли и юмора режиссерских реплик. «Братья Карамазовы» в этом отношении гораздо скуднее.

Сценография Полины Мищенко емкая и экономная. Действие развивается на эшафоте. Вернее, на чуть наклоненной в сторону зала платформе, которую можно трактовать и как Голгофу и как плот, в финале перевозающий персонажей из этого мира в мир иной. Вся жизнь героев спектакля есть движение на Голгофу, и совершается она с ожиданием неминуемой расплаты. Посреди платформы стоит столб, который служит и мачтой, с верхушки которой Алеша по-матросски всматривается вдаль, и распятием, и электрическим стулом, и виселицей... Всяк на эшафот восходящий обязательно стучит по столбу, как во входную дверь, а, сходя прочь, стучит по нему вновь, тем самым начиная и завершая каждую картину. В сцене «стыдного» свидания Екатерины Ивановны и Дмитрия Карамазова столб «превращается» в постель, на которой Екатерина Ивановна должна отработать полученные у Карамазова деньги. Вместе с тем постель эта ассоциируется с позорным столбом. Когда же Митя отпускает Екатерину Ивановну, не тронув ее,